

Научная статья / Original article

УДК 008

<https://doi.org/10.34130/2233-1277-2023-3-41>

Отсутствие как памятник. Статья 2

Алла Александровна Смирнова¹, Иван Владимирович Леонов²,
Игорь Викторович Кириллов³

^{1, 2, 3} Санкт-Петербургский государственный институт культуры,
Санкт-Петербург, Россия

¹ allasmir@mail.ru, <http://orcid.org/ORCID:0000-0002-6739-2489>

² ivaleon@mail.ru, <http://orcid.org/ORCID:0000-0003-0026-3807>

³ os84@yandex.ru, <http://orcid.org/ORCID:0000-0003-3401-1798>

Аннотация. *Статья является продолжением исследования, опубликованного в первом номере журнала за 2023 г. и посвящённого изучению проблемы «отсутствия» в практиках работы с культурным наследием. Отмечается, что фактор «отсутствия» в реальности тех или иных памятников способен выступать как источник знаний об историко-культурной действительности различных объектов. В первой части статьи были рассмотрены такие формы «отсутствия» в реальности артефактов, как частичные утраты материальной составляющей; полная утрата материальной компоненты; «разлучение» элементов материальной формы памятников. Соответственно, во второй части будет уделено внимание следующим подгруппам артефактов, связанных с темой «отсутствия»: перемещённым объектам, оторванным от своего «месторазвития»; артефактам с «заполненным отсутствием»; невоплощённым памятникам, которые тем не менее обозначили своё присутствие в культуре. Материал статьи подкреплён конкретно-историческими примерами, которые иллюстрируют изучаемую проблему и выдвигаемые авторами теоретические положения.*

Ключевые слова: культурное наследие, памятник, артефакт, отсутствие, «воображаемая реальность» памятника, образ, «месторазвитие», «невоплощённые артефакты», «заполненное отсутствие»

Для цитирования: Смирнова А. А., Леонов И. В., Кириллов И. В. Отсутствие как памятник. Статья 2 // Человек. Культура. Образование. 2023. № 3. С. 41–58. <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2023-3-41>

Absence as a monument. Article 2

Alla A. Smirnova¹, Ivan V. Leonov², Igor V. Kirillov³

^{1, 2, 3} Saint-Petersburg State Institute of Culture, Saint-Petersburg, Russia

¹ allasmir@mail.ru, <http://orcid.org/ORCID:0000-0002-6739-2489>

² ivaleon@mail.ru, <http://orcid.org/ORCID:0000-0003-0026-3807>

³ os84@yandex.ru, <http://orcid.org/ORCID:0000-0003-3401-1798>

Abstract. *The article is a continuation of the research published in the first issue of the journal for 2023 and devoted to the study of the problem of «absence» in the practices of working with cultural heritage. It is noted that the factor of «absence» in the reality of certain monuments can act as a source of knowledge about the historical and cultural reality of various objects. In the first part of the article, such forms of «absence» of artifacts in reality were considered as partial loss of a material component; complete loss of a material component; «separation» of elements of the material form of monuments. Accordingly, in the second part, attention will be paid to the following subgroups of artifacts related to the topic of «absence»: displaced objects, torn away from their «place of development»; artifacts with «filled absence»; non-embodied monuments, which nevertheless marked their presence in culture. The material of the article is supported by concrete historical examples that illustrate the studied problem and the theoretical propositions put forward by the authors.*

Keywords: *cultural heritage, monument, artifact, absence, «imaginary reality» of the monument, image, «locality», «non-embodied artifacts», «filled absence»*

For citation: Smirnova A. A., Leonov I. V., Kirillov I. V. Absence as a monument. Article 2. *Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie = Human. Culture. Education.* 2023; 3:41–58 (In Russ.). <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2023-3-41>

Развивая тему восприятия «отсутствия» в реальности памятников историко-культурного наследия, напомним, что данный фактор может выступать как значимый аспект их бытия. «Отсутствие» способно аккумулировать и транслировать память об ушедших формах объектов посредством различных образов, аллюзий, «припоминаний», тем самым конструируя и поддерживая реальность памятников (включая те объекты, изначально матери-

альная составляющая которых понесла частичные утраты либо исчезла полностью). Анализ изучаемой проблематики показывает, что практики работы с «отсутствием» в сфере сохранения и трансляции культурного наследия весьма разнообразны, хотя и не всегда в должной мере отрефлексированы. Так, пустота на месте утраченного фрагмента способна сообщать о том, что она заместила; артефакт, материальная компонента которого утрачена полностью, может бытовать на уровне воображения, отталкиваясь, как бы это парадоксально ни звучало, в числе прочего и от факта своего исчезновения; «разлучённые» элементы памятников могут сохранять общее «гравитационное поле» и стремиться друг к другу, напоминая о факте разлуки. Продолжая анализ данной проблематики, рассмотрим другие формы взаимодействия реальности памятников с фактором отсутствия, которые были названы, но не раскрыты в первой части статьи.

Итак, четвёртая группа рассматриваемых памятников — *перемещённые артефакты, оторванные от своего «месторазвития»*, — весьма богата примерами. Многие артефакты создаются с учётом их привязки к определённой местности, локации и с прицелом на то, что в этой локации памятник будет устойчиво бытовать. Как следствие, отрыв артефакта от своего «месторазвития» может породить ситуацию «страдания» опустевшего пространства и ситуацию «страдания» артефакта, который был перемещён. Представляется справедливым замечание Д. Лоуэнтала: «Возможно, наиболее печальные последствия рассеяния предметов старины — это утрата контекста. Перемещение реликвий, чьи черты неразрывно связаны с местоположением, уничтожает их историческую ценность, обрывает мириады связей с данным местом. Вся ценность некоторых предметов старины связана с их местоположением; межевая веха, если она действительно размечает земельные владения, должна оставаться строго на своем месте» [1, с. 439]. При этом учёный указывает на то, что «перемещение старины, помимо всего прочего, имеет жизненно важные последствия для национальной и культурной идентичности. Если речь идет о нацио-

нальных символах, то их перемещение ведёт тем самым к десакрализации» [1, с. 440].

Укажем, в частности, на интересное и малоизученное наукой явление — перевоз в 1910–1930-х гг. из Западной Европы в США ряда средневековых монастырей, замков, дворянских усадеб, жилых домов, часовен, амбаров и т. п. объектов. Особенно большой размах указанная деятельность приобрела в период между окончанием Первой мировой войны и началом Великой депрессии, когда американцы смогли за дешёво приобрести некоторые памятники, представляющие большую культурную ценность. Речь идёт о грандиозном по масштабу явлении — архитектурные ансамбли весом в сотни тысяч тонн нередко разбирали до основания и перевозили за океан полностью. Приведём несколько примеров.

Одна из наиболее известных историй такого рода — перемещение монастыря св. Бернара де Клерво (XII в.) из испанской Сеговии в Майами [2, с. 484–485]. Указанный перенос был осуществлён вопреки действовавшему испанскому законодательству об охране памятников истории. Часть оригинальных камней при сборке монастыря на новом месте использована не была, и одновременно с этим к оригинальному комплексу были добавлены чужеродные декоративные детали — также в прошлом относившиеся к старинным испанским зданиям, но к иным. В настоящее время рассматриваемый объект выполняет функции действующего храма Епископальной церкви и одновременно с этим является популярной у туристов достопримечательностью.

Также стоит упомянуть про перемещение готической часовни, построенной не позднее начала XV в., из французского Шасс-сюр-Рона в Милуоки. Ныне эта часовня (известная как часовня Жанны д'Арк) принадлежит католической церкви и считается самым древним зданием штата Висконсин [3, с. 134–135]. В «ткань» памятника за океаном были внесены существенные нововведения, которые вряд ли возможно считать органичными для него, — был устроен, в частности, подогрев полов.

Одна из самых драматичных историй перевоза памятников в Новый Свет связана с монастырём XII в. Санта-Мария-де-Свила в

Гвадалахаре (Испания) [4]. В 1931 г. монастырский комплекс был выкуплен газетным магнатом У. Хёрстом, после чего большую часть построек демонтировали и вывезли в Калифорнию. Изначально Хёрст предполагал использовать древние камни для постройки роскошного особняка, однако планы эти воплощены не были, и ящики с камнями несколько десятилетий простояли в Сан-Франциско невостребованными; они неоднократно страдали от пожаров. В 1990-х гг. монастырские камни активно применяли для декоративного украшения парка «Золотые ворота»; отдельные фрагменты монастырского убранства оказались в Университете Сан-Франциско. В 2000-х гг. каменные блоки Санта-Мария-де-Свилы были использованы для возведения католического аббатства Нью-Клерво в Северной Калифорнии. При этом в Гвадалахаре, в первоначальной локации, сохранилось несколько вспомогательных монастырских построек и фундаменты.

Перевозили в США, разумеется, не только сооружения, относящиеся к объектам религиозного культа. Так, в Ричмонд (штат Вирджиния) была перенесена британская усадьба XV в.¹ Список примеров можно продолжать довольно долго. Рассматриваемые действия американских нуворишей, которые стремились присвоить европейское культурное наследие, придать себе за счёт обладания древними артефактами пушью авторитетность и символически усилить свой статус, были весьма болезненно восприняты общественностью западноевропейских стран и спровоцировали в нескольких государствах ужесточение законодательства об экспорте объектов историко-культурного наследия. Примечательно, что восприятие данных артефактов в современных условиях непременно учитывает факт их перемещения из Западной Европы в США, поскольку указанные недвижимые объекты были перенесены, несмотря на огромные технические трудности. То, что до начала социокультурной (в т. ч. и технологической) модернизации было невозможным, стало воплощаться в подобных современных проектах, поражая воображение даже наших современников.

---

¹ Agecroft Hall & Gardens. URL: <https://www.agecrofthall.org> (дата обращения: 26.11.2022).

Одним из показательных примеров концентрации памятников, отделённых от их «месторазвитий», является московский парк искусств «Музеон». Он содержит множество артефактов советского периода, демонтированных в 1990-х гг., но сохранных, включая такие известные монументы, как памятник Ф. Э. Дзержинскому работы скульптура Е. В. Вучетича (ранее установленный на Лубянской пл.), памятник И. В. Сталину работы С. Д. Меркурова и др. Аналогичные парки искусств, в которых собраны демонтированные монументы предыдущей эпохи, есть и в некоторых других городах Восточной Европы — назовём, к примеру, будапештский парк «Мементо». В этом музее под открытым небом собраны 42 памятника, которые были вывезены с городских улиц после 1989 г.

В контексте рассматриваемой проблематики нельзя обойти вниманием вопрос перемещения культурного наследия многих древних цивилизаций (прежде всего наследия Египта и античной Греции, интерес к которым со стороны западноевропейцев в последние столетия значительно возрос). В XVIII — первой трети XX в. множество артефактов были вывезены из указанных локаций, причём зачастую их перемещали откровенно грабительски либо в результате заключения неравноправных договоров. По замечанию Э. Хобсбаума, «ни один крупный музей третьего мира, даже сколь угодно богатый, не может соревноваться с превосходящей концентрацией “высокого искусства” в Европе и США, в то время как западные коллекции, благодаря завоеваниям, грабежам и обману, оказались не лишены сокровищ других великих культур» [5, с. 183]. Необходимо отметить, что данная тема является весьма сложной, поскольку вывоз значимых объектов, наряду с тем, что он причинил наследникам древних цивилизаций огромный материальный и культурный ущерб, в то же время во многих случаях объективно способствовал сохранению, введению в научный оборот и популяризации этих памятников. Мировая практика перемещения культурных ценностей не должна восприниматься исключительно как череда несправедливых и трагичных изъятий, поскольку она содержит ситуации вполне обоснованных переме-

щений. Тем не менее в пространстве многих культур остались зияющие пустоты: «Разделение лордом Элгином Парфенона на части, возможно, и помогло спасти отдельные мраморные детали от последующих невзгод, но обеднило храм в целом и лишило греческую нацию высшего символа её идентичности» [1, с. 440]. Отметим, что образовавшиеся в «культурах-донорах» *отсутствия*, провалы, прорехи дают о себе знать, постоянно напоминая о вывезенном. Представители этих культур в последние десятилетия активно ставят вопрос о реституции несправедливо вывезенных древностей. В отдельных случаях реституция культурных ценностей уже состоялась: так, в 2005 г. из Италии вернулся на родину, в Эфиопию, знаменитый Аксумский обелиск¹.

В то же время следует отметить, что международное взаимодействие в области культурного наследия всё же сопровождается перемещением объектов из одной страны в другую, что может происходить и вполне легально — вследствие легитимных договоров, обменов и дарений. В качестве примеров можно назвать находящиеся в Англии иглу Клеопатры и обелиск с острова Филы, установленный в Париже Луксорский обелиск и петербургских сфинксов. И в этом случае лакуны, которые образуются во многих культурах, дают о себе знать не так болезненно; представляется, что «гравитация пустоты» в таких ситуациях носит менее выраженный характер.

Значимый пример места, «тоскующего» по перемещённым артефактам, — Государственный Эрмитаж периода Великой Отечественной войны. Многим нашим соотечественникам знакомы фотографии опустевших эрмитажных залов, из которых были изъяты эвакуированные экспонаты. Осиротевшие рамы, которые лишились своих полотен, опустевшие постаменты производят сильное эмоциональное воздействие. «Пустые рамы! Это было мудрое распоряжение Орбели: все рамы оставить на месте <...> в войну они так и висели, пустые глазницы-рамы...» [6, с. 53]. В блокадном Эрмитаже имела место уникальная практика — экскурсии по опу-

---

¹ Obelisk arrives back in Ethiopia // BBC. News. 19.04.2005. URL: <http://news.bbc.co.uk/2/hi/africa/4458105.stm> (дата обращения: 26.11.2022).

стевшим залам, проведённые музейным научным сотрудником П. Ф. Губчевским. «Пустые рамы, оказывается, впечатляют. <...> Можно представить себе, как это было — замороженные за зиму стены Эрмитажа, которые покрылись инеем сверху донизу, шаги, гулко разносившиеся по пустым залам... Прямоугольники рам — золотых, дубовых, то маленьких, то огромных, то гладких, то с вычурной резьбой, украшенных орнаментом; рамы, которых раньше не замечали и которые теперь стали самостоятельными: одни — претендуя заполнить собой пустоту, другие — подчеркивая пустоту, которую они обнимали. Эти рамы — от Пуссена, Рембрандта, Кранаха, от голландцев, французов, итальянцев — были для Губчевского обозначением существующих картин. Он неотделимо видел внутри рам полотна во всех подробностях, оттенках света, красок — фигуры, лица, складки одежды, отдельные мазки. <...> Считается, что словом нельзя передать живопись. Это так, однако в той блокадной жизни слово воссоздавало картины, возвращало их, заставляло играть всеми красками, причем с такой яркостью, с такой изобразительной силою, что они навсегда врезались в память. Никогда после экскурсоводу Павлу Филипповичу Губчевскому не удавалось проводить экскурсии, где люди столько бы увидели и почувствовали...» [6, с. 53–54]. Таким образом, в отечественной музейной практике возник выдающийся пример работы с пустотой, которая взывала к образам прошлого, к отсутствующим объектам. Данный сюжет получил значительный резонанс в российской (и не только) культуре; «пустая рама, по которой читается изображение, — одна из основных фигур блокадной визуальности» [7, с. 22].

Следует упомянуть, что во время Великой Отечественной войны перемещены были не только сокровища многих музеев, но и другие памятники историко-культурного наследия. Образ опустевших во время войны пьедесталов — одна из ярких блокадных картин. Примечательны воспоминания драматурга Е. Л. Шварца, касающиеся памятника Петру I, расположенного у Инженерного замка: «Я каждый раз в страшные дни 1941 года, глядя на пустой постамент, говорил себе, что Пётр на фронте» [8, с. 17].

Кроме того, «разрывы» артефакта с его «месторазвитием» могут быть обусловлены политико-идеологическими обстоятельствами. Весьма ощутимо указанный фактор проявляется в рамках современных «войн памяти», связанных с пересмотром оценок тех или иных историко-культурных событий. В странах Восточной Европы в последние десятилетия было снесено множество памятников советским воинам-освободителям и полководцам. Примерами применения таких технологий деконструкции памяти являются, в частности, демонтаж памятника генералу И. Д. Черняховскому в Вильнюсе (впоследствии памятник перенесён в Воронеж), демонтаж памятника маршалу И. С. Коневу в Праге (обрёл новое «месторазвитие» в Кирове) и перенос таллинского Бронзового солдата в иную локацию в том же городе.

Представляется, что во многих случаях указанные акты демонтажа угрожают национальной безопасности и вопросам сохранения национальной идентичности, ценностно-смысловым векторам современной российской культуры. «Одним из средств противостояния указанным вмешательствам, негативно интерпретирующим значительные периоды отечественной истории и деформирующим историческую память, а потому представляющим, согласно разделу II Основ государственной культурной политики Российской Федерации, один из опасных факторов для будущего России, является культивация и закрепление представлений о военном прошлом, соответствующим национальным российским интересам (включая и поддержание определенного набора мест памяти как в России, так и за рубежом — и его дальнейшее расширение)» [9, с. 190–191].

Продолжая линию примеров, связанных с «отрывом» памятников от «месторазвитий», напомним, что не все они носят выраженный трагический характер. Можно назвать ряд случаев, когда в сознании представителей конкретной культуры покинутое «месторазвитие» переставало тосковать по перемещённому артефакту. Можно также привести примеры, когда артефакт вполне успешно «приживался», «закреплялся» в новой системе пространственных координат, «сближаясь» с новым местом, становясь его

органической частью. Например, с течением времени, когда меняются поколения и меняются представления о том, какое состояние ландшафта является «правильным», «эталонным», перенос может перестать восприниматься болезненно.

Порой отрыв от «месторазвития» является способом сохранения исторического наследия. Рассредоточенные реликвии, заслуживающие восстановления и общественного внимания, нередко komponуются вместе, отделяясь при этом от своих изначальных «месторазвитий» и образуя новые ансамбли. Выразительный пример применения подобной практики — создание музеев деревянного зодчества. Укажем на всемирно известный музей Кижы, в котором ныне находится множество перевезённых из различных русских, карельских и вепсских деревень артефактов — церквей, жилых домов, хозяйственных построек, предметов быта и т. п. (Упомянем, в частности, такие известные артефакты, как церковь Преображения Господня, церковь Покрова Пресвятой Богородицы, церковь Воскрешения Лазаря, часовню Михаила Архангела, часовню Успения Божьей Матери, дом Ошевнева, ветряную мельницу Биканина.) Аналогичные музеи есть в Великом Новгороде, Костроме, Суздале и некоторых других городах. Достойны упоминания также американские «исторические деревни», которые типологически схожи с отечественными музеями деревянного зодчества.

Кроме того, отделение артефактов от «месторазвитий» может быть вызвано народно-хозяйственными соображениями. Упомянем о массовом переносе древних памятников, имевшем место в Египте в ходе строительства Асуанской ГЭС в 1960-х гг.; эти события вызвали широкий интерес во всём мире и неоднозначные оценки. Древние храмы Абу-Симбела (изначально вырубленные в скале) считаются одной из главных достопримечательностей Египта; эта характеристика справедлива и для храма в честь богини Хатхор, исторически находившегося на острове Филе. Перенос указанных памятников считается одной из крупнейших инженерно-археологических операций в мире. С точки зрения сторонников форсированной модернизации в Египте, строительство гидроэлектростанции и сопряжённый с ним перенос артефактов были

совершенно необходимы и приемлемы. Но для части консервативных египтян перенос, возможно, был нежелательным и даже трагичным.

Отметим также, что некоторые переносы бывают обусловлены градостроительными нуждами. Назовём переносы памятников Минину и Пожарскому, А. С. Пушкину, Н. В. Гоголю, произошедшие в Москве в 1930-х гг., которые были восприняты частью москвичей с неодобрением. Однако спустя время памятники «приросли» к новым местам дислокации, «укоренились» в них. В указанный период в рамках масштабной реконструкции Москвы перемещали с места на место также некоторые жилые дома и мосты через Москву-реку. Подобного рода ситуации бывали и в Санкт-Петербурге: дважды переезжал Румянцевский обелиск, перемещали памятники А. В. Суворову, Н. А. Некрасову и т. д.

Выделения в особую подгруппу достойны памятники, которые были перенесены вследствие природных или технологических катастроф. В контексте данного вопроса заслуживает внимания история бюста дважды Героя Советского Союза генерала Д. А. Драгунского, установленного изначально на его малой родине, в селе Святск Брянской области. После аварии на Чернобыльской АЭС все жители Святска были переселены, а бюст был переустановлен в г. Новозыбкове и обрёл там новое «месторазвитие».

Наконец, укажем, что памятники способны «путешествовать», менять свои «месторазвития» неоднократно. В результате памятник оказывается связанным с несколькими локациями, которые хранят память об артефакте, помнят его и в той или иной степени «тоскуют» о нём. Так, памятник Александру III, созданный П. П. Трубецким, после 1917 г. не покидал пределов Санкт-Петербурга, однако был перемещён со своего законного места на Знаменской площади (ныне пл. Восстания) в запасники Русского музея, а позднее установлен у Мраморного дворца. Очевидно, что вследствие этих перемещений памятник был вырван из первоначального историко-культурного контекста. По мнению многих петербуржцев, он до сих пор сохраняет «бездомный» статус и нахо-

дится в неорганичном для него окружении. Другой пример — такой значимый памятник, как Царь-пушка, который в более раннее время также неоднократно перемещали.

Рассмотренные примеры показывают, насколько может быть важен факт отрыва от «месторазвития», переноса в другую локацию для «провенанса» памятника. Насколько бы самоценным ни был тот или иной артефакт, факт переезда, «смены прописки» непременно становится частью его биографии, независимо от того, были ли обстоятельства переезда трагичными или вполне приемлемыми. Памятник может помнить своё «месторазвитие», может «страдать» на чужбине, может укореняться на новом месте. В свою очередь, локация, из которой он был извлечён, также может хранить память о присутствии артефакта, его устойчивый «отпечаток», его «эхо». Показательно, что при работе с подобными артефактами в сфере сохранения и трансляции культурного наследия практически всегда упоминают о факте их переезда (это замечание справедливо и для описания работы с локациями, где ранее находились те или иные памятники).

Пятая группа изучаемых объектов — *артефакты с «заполненным отсутствием»* — носит весьма специфический характер. Её составляют памятники, материальная компонента которых была частично утрачена, но впоследствии образовавшийся пробел был заполнен материалом чужеродного происхождения. При этом различные составляющие данных памятников (изначально эклектичных) в некоторых случаях вступали в симбиотическое взаимодействие, вследствие чего формировался гармоничный синтез элементов в рамках обновлённых артефактов.

Практика заполнения лакун в работе с культурным наследием достаточно ярко проявилась в отношении античной скульптуры. «Представляет интерес “носотека” из Новой глиптотеки Карлсберга (Копенгаген), сформированная в XIX веке на основе удаленных с античных статуй носов и ушей, которые были прикреплены к ним ранее на основании распространенной практики возвращения перводанного облика скульптуре в угоду её эстетическим качествам. Тем не менее на фоне изменения исторического контекста и

вкусовых предпочтений времени и в интересах подлинности данные дополнения были сняты, а искаленные временем памятники обрели эстетическую целостность, при этом являясь артефактами с явными утратами» [10, с. 179].

Ещё один пример — экспонируемая в Меншиковском дворце античная «Цыганка». «Данная скульптура являет собой «составной» памятник: античный женский торс без рук до половины бедёр, материал порфир. Более поздние реставрационные дополнения — из черного мрамора: женская голова, ноги. Античный фрагмент использован итальянским мастером XVII в. для создания целостного художественного произведения» [11, с. 147]. Указанный пример не единичен; в музейных собраниях (в частности, в собрании Государственного Эрмитажа) есть немало «античных скульптур, подвергшихся реставрации и составленных из разрозненных фрагментов различных эпох, это так называемые статуи-пастиччо» [11, с. 148].

Среди множества примеров, относящихся к пятой группе, обращает на себя внимание феномен «срастания» монументов с чужими пьедесталами. На многих постаментах в различных российских городах на протяжении последнего столетия менялись памятники, причём порой не по одному разу. И в некоторых случаях формировалось представление о гармоничном сочетании памятника и пьедестала. К таким случаям можно отнести постамент в Ульяновске (Симбирске), на котором памятник П. А. Столыпину сменил бюст И. А. Гончарова. Другой пример — постамент в Петергофе, на котором изначально находился памятник императору Николаю I, уничтоженный в советское время; ныне на этом пьедестале установлен памятник цесаревичу Алексею Николаевичу. (В то же время многие монументы — в силу разных обстоятельств — не приживались на чужих пьедесталах. Есть немало случаев возврата памятников к первоначальной целостности пьедестала и скульптуры. Например, в Екатеринбурге на одном и том же постаменте побывали Пётр I, М. Горький и вновь Пётр I, воссозданный в первоначальном виде. Аналогичный случай имел место в Херсоне: на постаменте последовательно находились кн. Г. А. Потёмкин-

Таврический, В. И. Ленин, И. В. Сталин, а потом — после периода, когда пьедестал стоял опустевшим, — на него возвратился князь Потёмкин. На момент окончания работы над статьёй (январь 2023 г.) памятник эвакуирован из Херсона.)

Перед тем как резюмировать рассмотренную тему, укажем на достаточно интересный феномен, который формирует последнюю группу — *невоплощённые артефакты, чьё материальное присутствие не состоялось, но которые тем не менее бытовали в культуре на уровне воображаемого присутствия*. Яркий пример подобного рода памятников — московский Дворец Советов, грандиозный невоплощённый проект 1930-х — начала 1940-х гг.; по определению Л. В. Никифоровой, «метапроизведение советской культуры» [12, с. 550]. Задуманный дворец обрёл исключительный статус в советской культуре данного периода: «Нет более популярного в нашей стране сооружения, чем Дворец Советов. Он символизирует в глазах народа все достижения социализма» [13, с. 14]. Дворец Советов призван был встать в один ряд с «чудесами света» [13, с. 12] и простоять тысячелетия. Эффект незримого присутствия памятника, осознания неизбежности его воплощения был настолько велик, что реальность указанного объекта начинала воплощаться во множестве образов, в разного рода «текстах». «Проект все дорабатывается, тогда как образ Дворца Советов уже существует в культуре как самоочевидность. Станцию метрополитена называют, разумеется, «Дворец Советов». Еще в 1934 г. Лев Славин пишет сценарий фильма, где герой показывает гостю из провинции, как встанет Дворец Советов над рекой. <...> В нескольких кинофильмах это здание уже как бы существует» [14]; назовём, к примеру, к/ф «Космический рейс» (1935, реж. В. Н. Журавлёв) и к/ф «Новая Москва» (1938, реж. А. И. Медведкин). «ДС существует задолго до того, как в 1939 г. был завершён технический проект и начали рыть котлован» [14]. И даже в послевоенные годы «интерес к строительству ДС не был полностью погашен. Напротив, когда возник проект выстроить вокруг Кремля череду высотных зданий, весьма аргументированно доказывалось, что они выстраиваются вокруг ДС. Пустота на месте главного соору-

жения играла роль фокусирующего узла. Только в хрущевское время затея была отброшена. <...> И всё же, в течение четверти века оказывая огромное воздействие на архитектуру страны, ДС был в некотором смысле построен» [14]. Рассмотренный пример показывает, насколько сильным может быть эффект воображаемого присутствия нематериализованных памятников, которые «опредмечиваются» в «играх разума». Данное обстоятельство лишний раз подчёркивает значимость «ауры» артефактов, которые могут быть как несостоявшимися, так и утраченными, но продолжать при этом бытовать в культуре.

Подводя итог двухчастной статьи, заметим, что тема *отсутствия как парадоксального маркера реальности памятников историко-культурного наследия* весьма интересна и перспективна для дальнейшего изучения. Будучи довольно распространённой в сфере работы с культурным наследием, тема *отсутствия как формы напоминания о тех или иных объектах* (частично сохранённых; исчезнувших; разделённых; перемещённых; артефактов с «заполненным отсутствием»; «неопредмеченных» памятников) недостаточно разработана методологически и не вполне раскрыта на практическом уровне. Трудности в изучении данной тематики во многом связаны с её ярко выраженной субъективной природой, с тем, что «переживание» ушедших, изменённых или не проявившихся форм реальности памятников происходит в сознании человека, что способствует усложнению бытия артефактов, сопresentствию в сознании множества их пространственно-временных воплощений, которые могут весьма значительно отличаться от конкретно-исторических материальных состояний данных объектов. Пустота может о многом сообщить, она может наполняться присутствием чего-либо, может «втягивать» в себя информацию и сообщать о том, что она вытеснила, заместила, поскольку природа памятника, бытующего в сознании человека, пустоты не терпит.

Список источников

1. Лоуэнталь Д. Прошлое — чужая страна / пер. с англ. А.В. Говорунова. СПб.: Владимир Даль; Русский остров, 2004. 623 с.
2. Bond E. An Episcopal Church in a Medieval Spanish Monastery // *Anglican and Episcopal History*. 1987. Vol. 56, № 4. Pp. 484–487.
3. Hollis C. Medieval Milwaukee: Unlikely Graffiti at the St. Joan of Arc Chapel // *Peregrinations: Journal of Medieval Art & Architecture*. 2017. Vol. VI, № 1. Pp. 132–146.
4. Olaya V. El viaje del monasterio medieval español que William Randolph Hearst se llevó a EE UU // *El País*. 19.06.2021. URL: <https://elpais.com/cultura/2021-06-19/el-viaje-del-monasterio-medieval-espanol-que-william-randolph-hearst-se-llevo-a-ee-uu-hace-90-anos.html> (дата обращения: 26.11.2022).
5. Хобсбаум Э. Разорванное время. Культура и общество в двадцатом веке / пер. с англ. Н. Охотина. М.: АСТ, CORPUS, 2017. 384 с.
6. Адамович А., Гранин Д. А. Блокадная книга. М.: Советский писатель, 1983. 432 с.
7. Арлаускайте Н. Блокадные анаморфозы // *Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре*. 2019. № 6 (128). С. 21–31.
8. Шварц Е. Л. Живу беспокожно...: Из дневников. Л.: Советский писатель, 1990. 752 с.
9. Леонов И. В., Грусман Я. В., Кириллов И. В. Памятник с военным «шрамом»: практики сохранения и экспонирования (с опорой на материалы Центрального военно-морского музея) // *Ярославский педагогический вестник*. 2021. № 4 (121). С. 185–193.
10. Леонов И. В., Кириллов И. В. «Страдающий» артефакт: основные формы воплощений и особенности восприятия // *Ярославский педагогический вестник*. 2019. № 6 (111). С. 176–183.
11. Филиппова-Стоян Л. Е., Игнатъева Е. И. Экспонирование памятников со сложной историко-культурной структурой (на примере экспозиции «Дворец А. Д. Меншикова» Государственного Эрмитажа) // *Человек. Культура. Образование*. 2021. № 2 (40). С. 141–156.
12. Никифорова Л. В. Чертоги власти: Дворец в пространстве культуры. СПб.: Искусство-СПб., 2011. 703 с.
13. Атаров Н. С. Дворец Советов. М.: Московский рабочий, 1940. 164 с.
14. Глазычев В. Л. Россия в петле модернизации: 1850–1950 // Сайт памяти В. Л. Глазычева. URL: http://www.glazychev.ru/books/petlya/petlya_10_1931_graal.htm (дата обращения: 26.11.2022).

References

1. Louental' D. *Proshloe — chuzhaya strana / Per. s angl. A.V. Govorunova* [The past is a foreign land]. St. Petersburg: Vladimir Dal'; Russkij ostrov, 2004. 623 p. (In Russ.)
2. Bond E. An Episcopal Church in a Medieval Spanish Monastery. *Anglican and Episcopal History*, 1987, vol. 56, no 4, pp. 484–487.
3. Hollis S. Medieval Milwaukee: Unlikely Graffiti at the St. Joan of Arc Chapel. *Peregrinations: Journal of Medieval Art & Architecture*, 2017, vol. VI, no 1, pp. 132–146.
4. Olaya V. El viaje del monasterio medieval español que William Randolph Hearst se llevó a EE UU. *El Pais*. 19.06.2021. (In Span.). Available at: <https://elpais.com/cultura/2021-06-19/el-viaje-del-monasterio-medieval-espanol-que-william-randolph-hearst-se-llevo-a-ee-uu-hace-90-anos.html> (accessed: 26.11.2022).
5. Hobsbaum E. *Razorvannoe vremya. Kul'tura i obshchestvo v dvadcatom veke / Per. s angl. N. Ohotina* [Broken time. Culture and society in the twentieth century]. Moscow: AST, CORPUS, 2017. 384 p. (In Russ.)
6. Adamovich A., Granin D.A. *Blokadnaya kniga* [Blockade book]. Moscow: Sovetskij pisatel', 1983. 432 p. (In Russ.)
7. Arlauskajte N. Blockade anamorphoses. *Neprikosnovennyj zapas. Debaty o politike i kul'ture* [Emergency reserve. Debate about politics and culture], 2019, no 6 (128), pp. 21–31. (In Russ.)
8. Shvarc E. L. *Zhivu bespokojno...: Iz dnevnikov* [The willow is restless...: From the diaries]. Leningrad: Sovetskij pisatel', 1990. 752 p. (In Russ.)
9. Leonov I.V., Grusman Ya. V., Kirillov I. V. P Monument with a military "scar": practices of conservation and exposure (based on the materials of the Central Naval Museum). *Yaroslavskij pedagogicheskij vestnik* [Yaroslavl Pedagogical Bulletin], 2021, no 4 (121), pp. 185–193. (In Russ.)
10. Leonov I. V., Kirillov I. V. "Suffering" artifact: main forms of incarnations and features of perception. *Yaroslavskij pedagogicheskij vestnik* [Yaroslavl Pedagogical Bulletin], 2019, no 6 (111), pp. 176–183. (In Russ.)
11. Filippova-Stoyan L. E., Ignat'eva E. I. Exposition of monuments with a complex historical and cultural structure (on the example of the exposition "A. D. Menshikov's Palace" of the State Hermitage). *Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie* [Human. Culture. Education], 2021, no 2 (40), pp. 141–156. (In Russ.)
12. Nikiforova L. V. *Chertogi vlasti: Dvorec v prostranstve kul'tury* [Halls of power: Palace in the space of culture]. St. Petersburg: Iskusstvo-SPb, 2011. 703 p. (In Russ.)
13. Atarov N. S. *Dvorec Sovetov* [Palace of Soviets]. Moscow: Moskovskij rabochij, 1940. 164 p. (In Russ.)

14. Glazychev V. L. Russia in the loop of modernization: 1850–1950. Russia in the loop of modernization: 1850–1950. *Sayt pamyati V. L. Glazycheva* [Site in memory of V. L. Glazychev]. (In Russ.). Available at: http://www.glazychev.ru/books/petlya/petlya_10_1931_graal.htm (accessed: 26.11.2022).

Сведения об авторе / Information about the author

Смирнова Алла Александровна

Alla A. Smirnova

доктор исторических наук, профессор, проректор по учебной и воспитательной работе, зав. кафедрой теории и истории культуры, Санкт-Петербургский государственный институт культуры

Doctor of Historical Sciences, Professor, Vice-President in Charge of Academic and Educational Work, Head of the Theory and History of Culture Department of Saint-Petersburg State Institute of Culture

191186, Россия, Санкт-Петербург, Дворцовая набережная, д. 2

2, Palace Embankment, Saint-Petersburg, 191186, Russian Federation

Леонов Иван Владимирович

Ivan V. Leonov

доктор культурологии, доцент, профессор кафедры теории и истории культуры, Санкт-Петербургский государственный институт культуры

Doctor of Culture-Studies, Associate Professor, Professor of the Theory and History of Culture Department of Saint-Petersburg State Institute of Culture

191186, Россия, Санкт-Петербург, Дворцовая набережная, д. 2

2, Palace Embankment, Saint-Petersburg, 191186, Russian Federation

Кириллов Игорь Викторович

Igor V. Kirillov

магистрант кафедры теории и истории культуры, Санкт-Петербургский государственный институт культуры

Master student of the Theory and History of Culture Department of Saint-Petersburg State Institute of Culture

191186, Россия, Санкт-Петербург, Дворцовая набережная, д. 2

2, Palace Embankment, Saint-Petersburg, 191186, Russian Federation

Статья поступила в редакцию / The article was submitted

15.02.2023

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing

02.03.2023

Принята к публикации / Accepted for publication

17.04.2023